





АЛИСА ЛУНИНА

# Открытки счастья



МОСКВА

УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Л84

Редактор серии П. Корицкая

Оформление серии Р. Фахрутдинова

Иллюстрация на обложке Катерины Косьяновой

**Лунина, Алиса.**

Л84 Открытки счастья: роман / Алиса Лунина. —  
Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-229134-0

Новый год — время, когда даже самые нелепые истории могут закончиться счастливо.

Вася — рыжая беда с пригоршней лотерейных билетов, Оля — хранительница чудес в музее детства. Обе ищут любовь и немного удачи, но находят куда больше: дружбу, смех и неожиданные подарки судьбы.

В атмосфере елок, огоньков и снежных улиц Петербурга сбываются мечты — пусть и совсем не так, как они того ожидали.

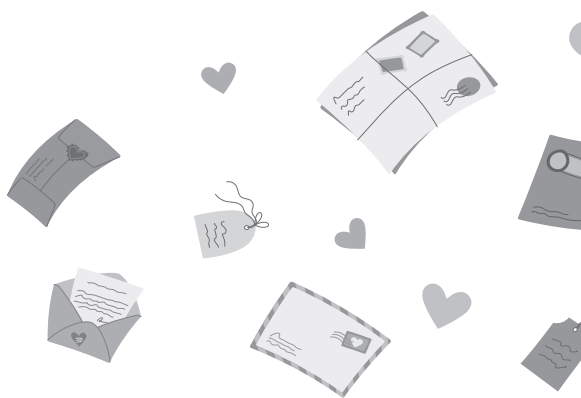
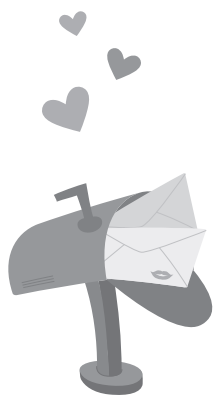
УДК 821.161.1-31  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лунина А., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2025

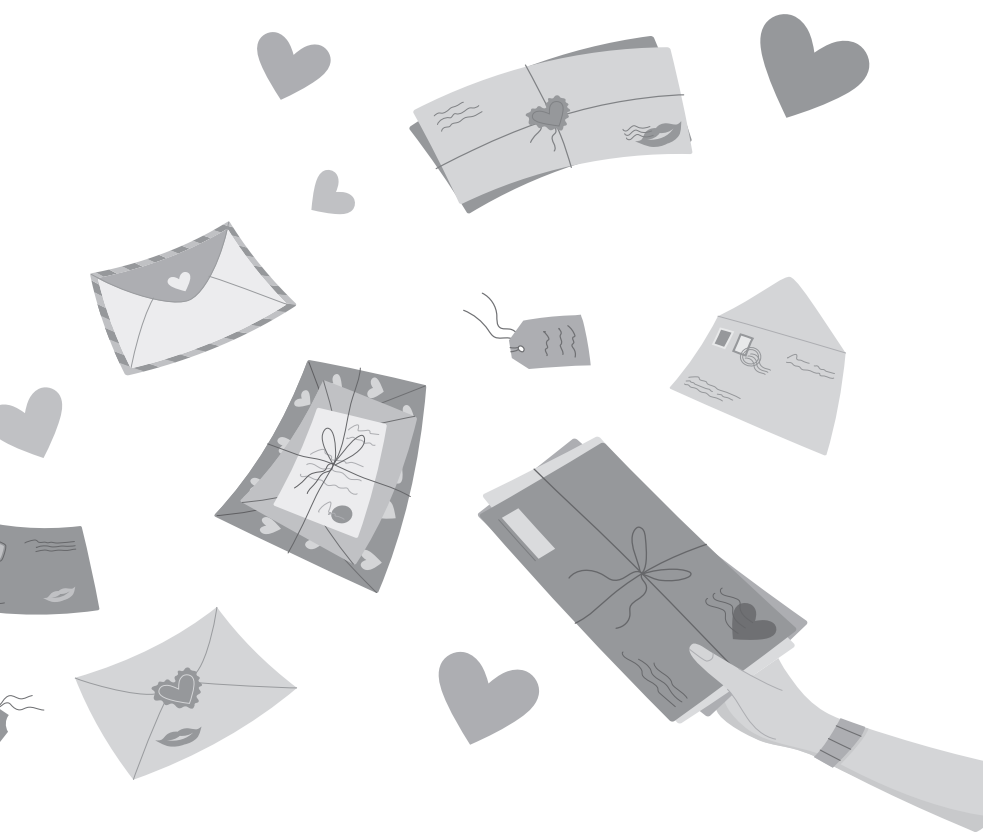
ISBN 978-5-04-229134-0

*Посвящается  
нашим мамам, папам, дедушкам, бабушкам  
и всем взрослым детям*



# Часть 1

## ЛЮДИ ВСЕ БЫВАЮТ ДЕТИ









## Глава 1

### ПЕТРОВА & КОЛОКОЛЬЦЕВА

#### *Вася-беда*

Вася яростно, как гранаты, метала на прилавке лотерейные билеты. Вот уже неделю она посылала запросы мирозданию, стараясь делать это правильно.

«Дорогое мироздание, я — Василиса Колокольцева, мне двадцать девять лет, и я хренова неудачница. Да, у меня все всегда идет через задницу! Стоит мне устроиться оператором на бензозаправку, через три дня она сгорает, и хотя это происходит не по моей вине (не надо приписывать мне лишнего, дорогое мироздание!), я теряю работу. Устроюсь продавцом в магазин мармелада, через неделю его закроют из-за нашествия мышей (и не то чтобы я их специально разводила!), таксисткой — в мою машину впишется мусоровоз, ассистентом режиссера — проект погибнет посреди съемок, потому что режиссер забухает и из запоя не вернется.

Несмотря на то что профессии я меняла так же часто, как цвет волос, — я была курьером, барменшей, маникюршей, гуляла за деньги с собаками занятых людей, пела в рок-группе, — все всегда заканчивалось разочарованием и очередным пинком от тебя, дорогое мироздание. И почему бы тебе наконец, хотя бы для разнообразия,

не послать мне чуток удачи? Тем более что я (прошу это учесть!) хороший и отзывчивый человек. Между прочим, хорошей меня считает даже мой бывший муж Толик, а где вы видели женщин, которых считают хорошими людьми их бывшие мужья? И мой психолог, которого я стала посещать, когда в моей жизни началась полная непруха, говорит, что я — эмотив, натура сострадательная и добрая. И кстати, моя подруга Оля Петрова, эмотив в квадрате или в кубе, тоже считает, что я хорошая. Так вот, дорогое мироздание, я имею право на удачу и счастье и очень тебя прошу послать мне эту самую удачу, счастье, а также...»

В этом месте Вася задумалась — а мироздание не сочтет ее чересчур наглой, если она попросит слишком многого? А то вдруг вообще все отменит и ничего не даст?! Но потом решила и добавила:

— И много денег! Столько, чтобы мне о них вообще не думать.

Регулярно отправляя подобные запросы мирозданию, Вася считала нужным как-то помочь ему выполнить ее просьбы, и потому с некоторых пор она стала покупать лотерейные билеты, рассчитывая на то, что однажды одним прекрасным выигрышным лотерейным билетом в каких-нибудь сто миллионов мироздание с ней разом расплатится.

В этом почтовом отделении Васиной рыжие кудри уже примелькались, и пожилая работница почты приветствовала Васю как родную. Еще бы — благодаря Васе и ее играм с мирозданием это почтовое отделение уже выполнило годовой план по продаже лотерейных билетов.

Докупив лотерейных билетов еще до кучи, Вася хотела было уйти, как вдруг пожилая работница почты заметила, что покупательница зря не приобрела билет предстоящего новогоднего тиража, потому что уж в Новый-то год гарантированно повезет любому человеку, если он, конечно, не законченная сволочь.

— А себе взяли? — поинтересовалась Вася.

Почтальонка пожала плечами — нет.

Вася не стала уточнять, почему почтальонка не купила билет себе, считает ли она себя законченной сволочью или просто не верит в удачу, а молча, без лишних распросов, купила два билета в свое обеспеченное, светлое будущее и помчалась по делам.

Причем один из билетов Вася решила подарить своей подруге Ольге Петровой, поскольку, с ее точки зрения, Петрова тоже была достойна награды от мироздания. И хотя до Нового года оставалось еще шесть недель, Вася решила вручить Оле билет прямо сегодня.

Вася выскочила в заливаемый ливнем город и поплыла по улицам.

Если продолжать сравнение Васи Колокольцевой с кораблем, то в ее случае это будет не какой-нибудь бриг с романтическими алыми парусами или элегантная белоснежная яхта, а скорее лихая разрисованная пирога экзотических народов.

У Василисы Колокольцевой вообще был такой вид, словно ее занесло в монохромный сдержанный Петербург из других морей.

Несмотря на то что Васю определенно можно было назвать привлекательной барышней, внешне она не вписывалась ни в образ изысканной петербурженки с присущими ей понятиями о строгом стиле, ни даже в целом в общепринятые представления о том, какой должна быть красивая, элегантная женщина. В Колокольцевой вообще все было на максималках, словно бы в ней при рождении кто-то повернул ручку, тумблер, из некоего спортивного интереса — посмотреть, что за чудной человек в результате получится. В результате получилась рыжая девушка — чуть больше громкости, скорости движений, яркости и частоты улыбок (Колокольцева, что ты все время улыбаешься, рот до ушей, никакие завязочки не спасут!).

Сознавая, что она везде, кроме арены цирка, смотрит-ся как инородное тело, Вася честно пыталась себя при-глушить; несколько лет она экспериментировала с цветом волос, красила свои рыжие от природы волосы в сдержанный русский цвет, и в сексапильный блондинистый, и в роковой черный, но выглядело это неубедительно, так, словно бы Васе прикрутили скальп какой-то другой девушки — блондинки, брюнетки, русоволосой, и сказали так с чужим и ходить.

Еще одной бедой, как считала Вася, были веснушки. Не то чтобы они ее портили, но точно выделяли из толпы. Вася даже мрачно шутила, что по такой верной примете ее гарантированно опознают в случае совершения какого-нибудь преступления. Любой очевидец укажет на нее: была тут такая конопатая! И разыскную собаку не надо пускать по следу — Васю и так найдут. Она сводила веснушки всеми возможными средствами, но те упорно проявлялись вновь, словно бы навсегда впечатались в ее сущность. «Нет, ну вы опять?» — вопрошала Вася, увидев, что на вчера еще белой, как у всех нормальных девушек, коже снова выступили ненавистные конопушки.

Но вот однажды подруга Оля сказала Васе, что зря она так старается: это твое своеобразие, Вася, зачем от него отказываться?! И Вася оставила отчаянные попытки приглушить себя и решила принимать себя такой, какая есть, какой, собственно, и создала ее природа. Она вернула свой естественный цвет волос — цвет разбушевавшегося пожара или разгулявшейся осени, перестала приглаживать непослушные кудрявые волосы, махнула рукой на веснушки и разрешила себе носить ту одежду, которая ей нравилась (а кому не нравится, просто проходим мимо!).

Невысокая, тоненькая Вася — рыжая грива волос, зеленые глаза, какие чаще случаются у кошек, чем у лю-

дей, дополненные смешинками и янтарными крапинками, и вздернутый нос. К ее сегодняшнему выходу на сцену добавьте красное пальто с зелеными аппликациями, оранжевую сумку-баул, на дне которой покоились лотерейные билеты, сулившие потенциальный выигрыш, слегка безумный зонтик в разноцветную полоску, вот и будет вам портрет Васи Колокольцевой. Здрасте, я — Вася, я — то еще чудо чудное, диво дивное, не без отдельных заскоков и бзиков, но в целом, как уже прозвучало, девушка славная (ну это если вы человек вежливый и барышню двадцати девяти лет называете девушкой).

Итак, сегодня, как и вчера, Вася выступала в яркой палитре; цвет пальто, пестрая сумка, рыжие волосы — все вместе создавало впечатление взрыва на фабрике лакокрасочных изделий или взбесившейся и умножившейся до ста цветов и вдобавок заполнившей собою весь мир радуги. Надо сказать, что в случае Васи эта внешняя яркость соответствовала ее темпераменту и взрывному характеру. Недаром говорят, что наш характер — это наша судьба; характер этой девушки, которую в школе звали Вася-беда, действительно определял ее судьбу. Вася обладала странной способностью попадать в разные неприятные истории. Ее бывший муж даже как-то сказал, что она «не девушка, а тридцать три несчастья». Но при этом Васе была присуща вторая особенность, отчасти компенсирующая первую, — способность смотреть на происходящее с оптимизмом.

И вот эта яркая нездешняя пирога плыла по серому, захваченному в плен поздней осени городу, по унылым улицам, чтобы в итоге причалить к одному городскому музею, в котором работала ее лучшая подруга Ольга Петрова. Вася давно собиралась провести Олю и посмотреть музей, о котором подруга ей столько рассказывала. Тем более что музей-то был странный, как, впрочем, и сама Петрова.

## *Хорошая девушка Оля*

Если сентябрь с его братцем октябрём, с золотом листвы, негой прогулок в парках, щемящей осенней грустью, фруктово-цветочным изобилием, Оля любила, то приходящую на смену золотому периоду траурную, черную осень переживала нелегко. Тут уж речь шла не о щемящей грусти, какой зачастую так приятно предаваться, а о сковывавшей душу хандре. Темные силуэты облетевших деревьев, злые ветра, исчезнувшее до весны солнце — пережить в Петербурге зиму непросто. В этом городе спасение утопающих в болоте хандры — дело самих утопающих. Ольга Петрова это знала и, как могла, старалась себя из сезонного сплина вытаскивать. В помощь шли хорошие книги, музыка, задушевные разговоры с подругой Василисой и работа. Тем более что в случае Оли работа была любимой.

Отвечая на вопрос о том, чем она занимается, Оля чувствовала себя немножко волшебником, потому что вот уже год она работала в музее детства. В прошлом ноябре, таком же черном, замешанном на ветрах и печали, искусствовед Ольга Петрова в поисках работы прошла много собеседований в больших и маленьких музеях и галереях. Она уже была готова согласиться на предложение одной частной художественной галереи, подразумевающее адекватную зарплату и приемлемый график работы, но вспомнила, что в ее списке вакансий остался последний пункт. Будущее место работы было столь странным, что Оля задвинула это предложение в самый конец списка. Однако, подумав, она все-таки решила в это странное место сходить. Ну так, для очистки совести, да, пожалуй, и из любопытства. «Что за музей детства?» — недоумевала двадцативосьмилетняя, давно выросшая из детства Оля, отправляясь на встречу с директором музея.

Оказалось, что это помещение на первом этаже старинного дома в центре города, переделанное под музей из бывшей коммунальной квартиры. Директор музея Дим Димыч — лысоватый дядька за пятьдесят, с веселыми и хитрыми глазами, с манерой произносить слова, как бы посмеиваясь, — с ходу рассказал Оле, что он тридцать лет прослужил технологом нужного, но скучного производства, после чего решил круто изменить жизнь и последовать за мечтой — открыть свой музей. Музей детства.

— А почему детства? — спросила Оля.

— Потому что люди все бывают дети, — улыбнулся Дим Димыч. — И потому что все люди хотят хотя бы ненадолго вернуться в детство. Оно, конечно, у каждого было свое. У кого-то счастливое, с заботливыми родителями, игрушками, книжками, а у кого-то коротким и таким, что для своих детей захочешь другого, но и этим людям тоже нужен наш музей, пусть приходят оттаять душой. Так что считайте, что мы тут работаем отчасти волшебниками. И если вы, уважаемая искусствовед Петрова, любите детей и сами из ребенка не вполне выросли, да к тому же готовы работать волшебником за — важное замечание! — небольшие деньги, то это работа вашей мечты. У вас вообще какая мечта? Чем бы вы хотели заниматься?

Оля рассказала Дим Димычу, что она — выпускница знаменитого художественного училища (да-да, того самого!), дипломированный искусствовед, и что она всегда хотела рассказывать людям о том, как видеть и понимать шедевры искусства, расшифровывать их скрытые смыслы и...

— Понятно, — вздохнул Дим Димыч, — ну, с шедеврами у нас, честно скажу, не очень. Ни тебе фресок Джотто, ни леонардовских мадонн. Впрочем, идемте, я вам все покажу!

В тот день, демонстрируя свои экспонаты, он сказал, что сам собирал их, находил вещи на барахолках, выкупал по объявлениям.

Большой зал музея был обустроен в стиле старой коммунальной квартиры с предметами советского быта; школьные советские портфели, старые детские санки, ретротелефоны, репродуктор, нелепый коврик с оленями на стене — не просто вещи, а возможность для давно выросших детей вернуться в свое детство. Во всяком случае, Оля несколько раз чуть не воскликнула в голос: ой, а у меня в детстве был такой портфель и вот такой плюшевый медведь, а у моей бабушки был такой ковер с оленями, который почему-то висел на стене, а у дяди была такая печатная машинка, на которой я любила печатать, изображая из себя писателя.

Дим Димыч засиял, словно бы услышал ее ностальгические восклицания, — видите, этот музей, как машина времени, каждого переместит в детство! — и повел Олю в следующий зал, в котором были собраны детские игрушки, такие разные, что по ним можно было проследить историю страны. Дореволюционные куклы, петрушка, юла, деревянные лошадки, кубики и — полет через десятилетия — тамагочи, лего, роботы, самые современные интерактивные модели. В истории игрушек, так или иначе, отразилась всеобщая история человечества, потому что со временем, по мере того как менялись представления людей о мире и о самих себе, с развитием технологий менялись и игрушки.

Скажи мне, во что ты любил играть, и я скажу о тебе все — угадаю пол, время, на которое пришлось твое детство, твой характер, твои наклонности и даже в какой-то мере твою судьбу.

В одном из залов Оля увидела популярные дореволюционные игры: первые пазлы — пузеля, кости, шашки, лото. Здесь же были любимые советские игры — доми-



но, шахматы, нарды, настольные игры в хоккей и футбол и сменившие их забавы двадцать первого века: настольные «Монополии», игровые приставки. Оля покрутила головой — приставки и шашки казались ей примерно такими же древними, как пузеля, — дела давно минувших дней.

Был в музее и специальный книжный зал, где Дим Димыч собрал самые известные детские книги разных времен и подшивки легендарных детских журналов «Веселые картинки», «Мурзилка», «Пионер», «Костер», на которых выросло не одно поколение детей. Несколько комнат музея населяли персонажи известных сказок. Гарри Поттер, Алиса, Чеширский Кот, Шляпник, Винни-Пух и его друзья, муми-тролли, Дюймовочка, бременские музыканты — кого здесь только не было! Куклы и игрушки всяких размеров из фарфора, меха, стекла, пластмассы. В небольшом пространстве музея словно бы поселилось детство многих поколений людей, потому что дети разного времени, разных стран жили с этими героями, любили их, росли вместе с ними.

— Видишь, Ольга Петрова, — улыбнулся Дим Димыч, — я хитрый человек, придумал и для себя, и для других способ вернуться в детство!

Позже Оля узнает, что для того, чтобы открыть музей, «хитрый человек» Дим Димыч продал квартиру и вложил в него все свои сбережения; после чего этот «хитрец» остался совершенно без накоплений.

Уже в день их знакомства она поняла, что Дим Димыч — чудака, каких поискать, но чудака добрый, и чудачества его многим людям во благо.

— Ну что, Петрова, — спросил Дим Димыч на прощание, — пойдешь к нам работать?

Оля вежливо улыбнулась — в ее рейтинге вакансий этот странный музей по-прежнему занимал почетное последнее место. Здесь, конечно, довольно мило, но разве о такой карьере мечтает серьезный человек?

На прощание Дим Димыч зачем-то честно признался, что на его объявление о наборе сотрудников в только что открывшийся музей детства откликнулись лишь две соискательницы. В итоге обе женщины обещали подумать, но из глубоких размышлений так и не вернулись и более не объявлялись. Оля сочувственно кивнула и тоже пообещала подумать.

На самом деле по дороге домой она решила даже «не глядеть в эту сторону». «Музей детства, да ну, ерунда какая-то! — рассудил в Оле кто-то взрослый, мыслящий исключительно рационально. — Забудь и больше не вспоминай, а чудаковатый директор... Ну мало ли чудак-ков на свете?!» Однако в голове почему-то крутилась одна и та же фраза: «Люди все бывают дети». Вспоминая слова Дим Димыча, она вдруг поняла, что ей хочется вернуться в этот музей. И хотя, в отличие от чудака Дим Димыча, Оля чудачкой не была, на следующий день она позвонила директору и совершила, вероятно, самый безумный поступок в своей жизни — сказала, что согласна принять его предложение.

Дим Димыч ей даже не сразу поверил и еще раз предупредил о том, что зарплата предполагается символическая, поскольку финансирование музея не получает, и что вообще будущее его туманно. Но Оля не испугалась и подтвердила намерение работать в чудном музее.

И сейчас, спустя год, она ничуть не жалеет о своем поступке.

Перелетев через двенадцать календарных месяцев и приземлившись в утро нынешнего унылого ноября, она идет в свой музей, а на свинцовом горизонте этого очень серого дня для нее мерцает невидимое для других, но очевидное для нее самой солнце радости и приятной уверенности в том, что ее рабочий день будет наполнен интересными и важными событиями.

\* \* \*

Чем занимаются нормальные люди на своей работе? Лечат людей, делают отчеты, выпускают всякие нужные вещи, водят поезда и автобусы, продают товары, а вот Оля помогает людям вернуться в их детство. За год работы в музее она узнала (прав Дим Димыч!), что взрослых на самом деле нет, а есть дети и выросшие дети. И когда выросшие дети приходили в музей детства, они становились невыросшими детьми; внутри них как будто загорались какие-то лампочки радости. И даже после того, как они уходили, то еще долго этими лампочками мигали, перемигивались радостью; эти разряды доходили и до Оли, и она чувствовала себя немного волшебником.

Дим Димыч, Оля и две другие сотрудницы музея старались сделать это место особенным и нужным. Полгода назад при музее открыли лекторий, в котором для взрослых посетителей Оля читала искусствоведческие лекции или рассказывала о своем любимом увлечении — о каллиграфии, которой занималась с детства. Для маленьких же посетителей на пару с коллегой Оля организовала небольшой кукольный театр, а для детей постарше в музее проводили тематические выставки и квесты. Музей задышал, зажил полнокровной жизнью.

Оле нравилась ее работа, ей было интересно проводить время с детьми. Детская живость восприятия, непосредственность, а главное, присущий детям неподдельный интерес к миру и открытость были отчасти заразными. Общаясь с детьми, Оля думала, что эти свойства передаются и ей, как детская ветрянка. С ними никогда не было скучно. Вот вчера они репетировали сказочный спектакль, и во время репетиции девочка, игравшая лисичку, подралась с мальчиком-волком, тот поставил фингал актеру-медведю, отчего малыш-медведь разревелся. Драка, страсти (девочка-лисичка оторвала

девочке-зайцу ухо, «волк» укусил и без того расстроенного «медведя»), слезы, вопли. Оля всех примирила, пришила оторванное ухо и напоила расстроенных артистов чаем с печеньем. А на прошлой неделе Оля проводила занятие по каллиграфии для младших школьников. Показав японские иероглифы, она упомянула о том, что японцы могут поставить точку восемью способами, и предложила детям тоже попробовать изобразить точку по-разному. В результате самый маленький мальчик очень заинтересовался этим фактом и попытался сделать какую-то совершенно необыкновенную точку. Он замер над листом бумаги, как зверек, готовившийся к прыжку, обмакнул перо в тушь и... поставил кляксу. Все дети засмеялись, а мальчик заплакал. Оля обняла его и повесила лист с расплывшейся кляксой на доску. «Ну что ты, это же здорово! Считай, что ты изобрел девятый способ поставить точку!» Малыш мгновенно перестал плакать и приосанился.

Сегодня утром Оля пришла в музей первой. Она кивнула настенному изображению зазеркальной Алисы, беседующей с синей гусеницей, потом взяла детский калейдоскоп со стекляшками и с минуту смотрела на то, как стекла сложились в сотню красивых узоров. Зайдя в зал со старыми игрушками, Оля подумала, что, может случиться, по ночам, когда работники и посетители музея расходятся, эти игрушки оживают, переговариваются между собой, как персонажи сказки Андерсена, рассказывают друг другу истории из той жизни, когда они были нужны своим маленьким хозяевам, когда о них заботились и им радовались.

Выпив капучино в маленькой открытой при музее кофейне, где посетителей бесплатно угощали чаем и кофе, Оля стала готовиться к предстоящей экскурсии, на которую должны были прийти школьники из соседнего лицея.